

К вопросу о пермско-аланских языковых контактах: некоторые новые лексические материалы¹

В статье рассматриваются некоторые новые материалы, касающиеся языковых и культурных контактов древних алан (предков осетин) с предками современных удмуртов и коми. Основное внимание уделено пермско-аланскому взаимодействию, отразившемуся в лексике пермских и осетинского языков. Представлены как совершенно новые этимологические находки, так и уже известные этимологии, которые сопровождаются важными дополнениями и комментариями.

Ключевые слова: иранские языки; аланский язык; осетинский язык; финно-угорские языки; пермский праязык; удмуртский язык; коми языки; лексика; фразеология; этимология; историческое языкознание.

Настоящая работа по сути своей является прямым продолжением недавно опубликованной в этом же журнале статьи, посвящённой некоторым результатам исследования пермско-иранского языкового взаимодействия в области фонетики и морфологии удмуртского и коми языков (см. Белых 2023: 282–299).

В новой работе, как и в предыдущей, мне хотелось бы сосредоточить внимание, главным образом, на самом позднем этапе пермско-иранских языковых и культурных контактов (в самом общем виде — I тыс. н. э.), когда пермяне (предки современных удмуртов и коми) взаимодействовали с носителями аланского (древнеосетинского) языка. Разница лишь в том, что здесь мы обратим внимание на отражение пермско-аланских связей в лексике и фразеологии.

Тема пермско-иранских контактов в области лексики исследуется учёными уже довольно давно и к настоящему времени вполне может считаться относительно неплохо изученной. К числу наиболее примечательных работ в этой области я бы отнёс, в первую очередь, соответствующие разделы ставших *de facto* уже классическими монографий А. Йоки и К. Редей (Joki 1973; Rédei 1986), соответствующую часть диссертации С. Холлопайнена (Holopainen 2019), а также довольно объёмную статью В. И. Лыткина, специально посвящённую языковым контактам предков пермян с древними иранцами (Лыткин 1975). В то же время, как мне представляется, в этом поле ещё есть немало места для плодотворной работы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>). The grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00148 (<https://rscf.ru/en/project/24-18-00148/>) is gratefully acknowledged. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

1. Лексика

1.1. Удм. *badžim* ‘большой, крупный’, диал. варианты *bažžim*, *bad'žim*, *bad'žin*, *badžin*, *bažžin* и др. Слово это уже довольно давно принято считать иранским заимствованием аланского слоя (см. напр. Joki 1973: 255; Rédei 1986: 65; Лыткин 1975: 88), и вопрос об этом заимствовании можно было бы считать закрытым, если бы не одно важное обстоятельство, на котором стоит остановиться.

Удмуртская лексема сравнивается с осет. *bæzžyn/bæzgin* ‘толстый, густой’. А. Йоки и, вслед за ним, К. Редеи полагали, что нынешний осетинский консонантный кластер *-zğ/-zg-* происходит от древнеосетинского **-zd'-*, превратившегося в удмуртском в аффрикату: алан. **bazzd'yn* > праперм. (др.-удм.) **bazzd'yn* > удм. *bažžin*, *badžim* и т. п. (Joki 1973: 255; Rédei 1986: 65). С. Холопайнен в целом резонно считает такую аланскую фонетическую реконструкцию слишком вольной, ничем не обоснованной, а саму предложенную А. Йоки этимологию сомнительной (Holopainen 2019: 385).

В самом деле, А. Йоки и К. Редеи не выдвинули никакого обоснования для своей древнеосетинской реконструкции, а в исторической фонетике осетинского языка других примеров такого развития согласных не засвидетельствовано. Это неизбежно подрывает доверие к предложенной этимологии.

Тем не менее, как мне представляется, обосновать вероятную связь между осетинской и удмуртской лексемами всё же возможно. Дело в том, что значком *ğ* в слове *bæzžyn* В. И. Абаевым (ИЭСОЯ I: 257) обозначалась характерная для иронского диалекта осетинского языка фонема, которая, хотя и восходит исторически к палатализованной веллярной взрывной, в современном языке является палатальной аффрикатой. В существующей орфографии осетинского литературного языка её принято обозначать сочетанием *дж* (*bæzджын*), а я, во избежание дальнейшей путаницы, буду обозначать как *ž* (*bæzžyn*).

Таким образом, если верна версия об аланском происхождении удм. *badžim*, слово это может быть связано с каким-то аланским диалектом или близким аланскому языком, где так же, как в иронском диалекте современного осетинского языка, старая звонкая взрывная *-g-* перед гласной *-y-* превратилась в звонкую аффрикату *-ž-*, что и нашло своё отражение в фонетическом облике удмуртского слова. В дигорском диалекте осетинского языка вышеозначенная звонкая взрывная сохранилась неизменной — *bæzgin* ‘толстый, густой’.

Нельзя не отметить, что В. И. Абаев считал данный фонетический сдвиг произошедшим (завершившимся) в иронских говорах осетинского языка сравнительно недавно, не ранее XIX столетия (Абаев 1949: 509–510). Такой вывод создаёт определённую проблему для вышеупомянутой этимологии удмуртского *badžim*. С исторической точки зрения выглядит совершенно невероятным, что алано-осетинское слово было заимствовано удмуртами так поздно, к XIX веку всякие контакты пермян с иранцами уже много веков как прекратились. Сложно также предполагать, что упомянутое выше фонетическое изменение взрывной согласной в аффрикату (*-g/-ğ- > -ž-*) произошло уже на собственно удмуртской почве, т.к. такая метаморфоза историческому консонантизму удмуртского языка неизвестна.

В создавшейся ситуации мне видятся возможными несколько альтернативных друг другу решений:

- 1) следует признать, что удм. *badžim* и осет. *bæzžyn/bæzgin* никак не связаны между собой;
- 2) следует допустить, что данный фонетический сдвиг всё же произошёл значительно раньше XIX века, по крайней мере в той части аланских диалектов или в каком-то близком аланскому языке, носители которых/которого непосредственно контактировали

с предками удмуртов. То есть, в этих диалектах/языке действовали те же тенденции к палатализации и аффрикатизации смычных, что и в иронском, но проявились они существенно раньше;

3) следует допустить возможность фонетического сдвига алан. $\acute{g} >$ удм. $d' > \acute{z}$, хотя такое развитие, строго говоря, нетипично для удмуртского языка. Как вариант такого нетривиального, но всё же теоретически возможного развития согласных в удмуртском языке можно допустить, что палатализованная \acute{g} оказала соответствующее влияние на предыдущую согласную, в результате которого аланское сочетание согласных $-z\acute{g}-$ было усвоено предками удмуртов как $-\acute{z}d'-$ (т. к. палатализованной \acute{g} в древнеудмуртской системе согласных не было и она могла быть заменена на палатализованную d'). В дальнейшем $-\acute{z}d'-$ (возможно, через метатезу $-\acute{z}d'- > -d'\acute{z}-$) эволюционировало в $-\acute{z}\acute{z}'-/-d'\acute{z}'-/-d\acute{z}\acute{z}'-$;

4) следует всё же согласиться с мнением А. Йоки и К. Редей (см. выше).

Осознавая, что ни один из предложенных вариантов не выглядит исчерпывающе убедительным, я всё же возьму на себя смелость сказать, что трудно отделять друг от друга удмуртское и осетинское слова и считать их никак не связанными. Помимо проблемного консонантного кластера, в остальном никаких фонетических сложностей удмуртско-осетинская параллель не демонстрирует. Так, например, осетинскому гласному первого слога æ в удмуртском соответствует a , точно так же как во многих среднеиранских заимствованиях пермских языков: напр. удм. *ana* 'кроме (последлог)' ~ ср. осет. *ænaæ* 'без', удм. *andan* 'стал' ~ осет. *ændon* 'id.', удм., коми *das* 'десять' ~ осет. *dæſ* 'id.', удм., коми *zarñi* 'золото, золотой' ~ осет. *zærin* 'золотой' и т. п. (см. Rédei 1986: 64, 65, 67, 82).

Окончание (второй слог) удмуртского слова — $-\acute{z}in$, позднее превратившийся в части удмуртских диалектов в $-\acute{z}im^2$, выглядит необычно для удмуртского языка и даже как-то чужеродно. Во всяком случае, в «Обратном словаре удмуртского языка» имеется только одно слово с таким окончанием, и это, разумеется, слово *badžin* [badžin] (ОСУЯ: 109). Это также может косвенно указывать на заимствованный характер удмуртского слова. Замечу, что в осетинском языке суффикс $-\acute{z}yn/-gin$ вполне обычен и довольно продуктивен (Абаев 1959: 116).

Есть основания предполагать, что удм. *badžim* — это довольно позднее аланское заимствование. Косвенно на это указывают следующие обстоятельства. Данная лексема не распространилась на все пермские языки, она неизвестна коми, а в удмуртском она не встречается в самых северных диалектах. В северном наречии удмуртского языка употребляется другое слово со значением 'большой' — *žek*. Интересно, что в остальных диалектах удмуртского языка это последнее слово имеет значение 'толстый'. Это к вопросу о соответствии значений удм. *badžim* 'большой' и осет. *bæzžyn/bæzgin* 'толстый'.

1.2. Удм. *bašjanj* 'брать, забирать, захватывать', *baštijnj* 'взять, брать, захватить'; коми *boštñj* 'взять, брать'. В КЭС: 40 рассмотрены только удм. *baštijnj* и коми *boštñj*, удмуртская форма *bašjanj* не упомянута. Изначальной корневой основой данного глагола следует считать удм. *baš-*, коми *boš-*. Глагольный суффикс $-ja(l)-$ в удмуртском языке придаёт слову оттенок многократности действия, а суффиксы $-ti-$ в удмуртском и $-t-$ в коми придают глаголу оттенок однократности действия. Впрочем, в коми языках суффикс $-t-$ стал восприниматься как составная часть корня слова, а для выражения многократности действия к корню стал добавляться глагольный суффикс $-av-/-al-$: *boštavnj/boštalnj* 'брать, принимать'.

Вплоть до сегодняшнего дня пермским лексемам не было найдено сколько-нибудь достойной этимологии, в других финно-угорских языках никаких соответствий им не

² Переход ауслаутного $-n > -m$ — явление довольно распространённое в удмуртском языке.

выявлено. Попытка В. И. Алатырева связать (под вопросом) их с тюрк. *bas-* ‘давить, прижимать; подавлять, покорять; наступать, выступать’ и т.д. (Алатырев 1988: 158) выглядит крайне сомнительно, в силу того простого обстоятельства, что тюркская и пермская лексемы очень далеки друг от друга по смыслу. К тому же такая трактовка никак не объясняет фонетического сдвига тюрк. *s* в удм. и коми *ś*.

На мой взгляд, в данном случае мы имеем дело с аланским заимствованием в пермских языках: ср. осет. *bajsyn* ‘взять; отнять, ограбить, захватить’ < *ba-* (преверб, глагольная приставка) + *isyn* ‘брать, доставать, получать, захватывать’ (ОРС: 159, 245). Подчеркну, что в данном случае пермянами была заимствована не чистая основа древнеосетинского глагола *is-* ‘брать, получать, захватывать’, а вариант этого глагола с приставкой (превербом) *ba-* — *bajs-*, который был естественно воспринят пермянами как чистый корень слова, т. к. никаких превербов в пермских языках нет³.

Мне остаётся только добавить, что фонетическое соответствие удм. *a* ~ коми *o* уже отмечено в аланских лексических заимствованиях пермских языков. Так, например, В. В. Напольских приводит в качестве такого соответствия коми *zoi* ‘парень, мальчик, сын’ и удм. *zanoi* припевное слово-обращение в песнях с возможным значением ‘*милый, дорогой’ < ‘*сын, парень’ < алан., ср. осет. *zænæg* ‘дети’ (см. Напольских 2015: 97). В коми языках переход *a* > *o* мог произойти под влиянием предыдущего губно-губного *b-*. Нечто похожее, по мнению В. В. Напольских, произошло в восточноиранском или балтском заимствовании названия свиньи пермских языков — удм. *parś* ~ коми *porś* (Напольских 2015: 161).

Что касается перехода согласной *-s-* языка-источника в *-ś-* в пермских языках, тут я могу сказать следующее. По всей видимости, предыдущий палатальный согласный *-j-* в консонантном кластере *-js-* языка-источника в пермском праязыке исчез, в силу необычности и непривычности такого сочетания согласных для пермских языков, но при этом оказал палатализирующее влияние на последующий согласный звук. Таким образом, *bajs-* превратилось в *baś-*. В. В. Напольских отмечает, что в поздних восточноиранских заимствованиях иранский согласный *s* в составе консонантных кластеров в пермских языках системно превращается в палатализованный *ś* (Напольских 2015: 161).

1.3. Удм. *bigi* ‘пушок на гузке у птиц’, *big-big* ‘пухлый, мягкий, пышный, пушистый’, *pigil'i* ‘поярок (шерсть первой стрижки от ягнят)’; коми *big* ‘пена’. В. И. Лыткин сопоставлял пермские слова с сельк. *poqura* ‘пена’ (КЭСК: 43). В. И. Алатырев не очень убедительно настаивал на тюркском происхождении удмуртских слов, видимо отделяя их от вышеупомянутой коми лексемы (Алатырев 1988: 219).

В качестве альтернативной этимологии я бы предложил сравнить пермские слова с осет. *fynk/finkæ* ‘пена’ < ир. **faina-ka-* (ИЭСОЯ I: 498; ЭСИЯ III: 44). Фонетически такое сопоставление выглядит практически идеальным. Иранская начальная *f-* закономерно превратилась в пермскую *p-* (с последующим озвончением в *b-* в коми и части удмуртских слов), а конечное сочетание *-nk* также закономерно подверглось пермской деназа-

³ Один из уважаемых рецензентов данной статьи заметил, что «часть высказываемых гипотез неявно подразумевает, что заимствовавшие осознавали морфологическую структуру слов в языке-доноре – как иначе объяснить заимствование чистой основы *ba-js-* ‘захватывать’ <...>. Такое можно было бы ожидать при достаточно высокой степени билингвизма». Я готов согласиться с такой оценкой. Как показывает моё предыдущее исследование, для носителей южных прапермских диалектов действительно можно предполагать пермско-аланский билингвизм. Иначе трудно было бы объяснить проникновение морфологических элементов из аланского в прапермский (см. Белых 2023: 289–296).

лизации и превратилось в *-g*: *fynk* > *pig/big*. Особых сложностей по смыслу такое сопоставление также не вызывает.

Здесь следует отметить, что это аланское слово, по всей видимости, проникло в пермский праязык несколько раньше самых поздних аланизмов, типа удм. *andan* ‘сталь’, *gondir* ‘медведь’ (см. Напольских 2015: 91, 176), где деназализация уже не состоялась.

В связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов о датировке самых поздних лексических аланизмов пермских языков и, таким образом, обозначить приблизительное время окончания пермско-аланских контактов. В вышеупомянутой работе В. В. Напольских показал, что в словах пермских языков, заимствованных из языка волжских болгар (проникших в Волго-Камье около VIII в. н.э.) деназализация, характерная для исконной лексики и более ранних заимствований, уже не происходила. Именно поэтому в словах вроде удм. *tingil'i* ‘колесо; ось’ < булг., ср. чув. *tanal* ‘ось, осевой’, удм. *kand'el'em* ‘свидетель’ < булг., ср. чув. *kündelen* ‘свидетель’ и т. п. носовая *-n-* в сочетаниях *-ng-*, *-nd-* сохранилась (Напольских 2015: 176).

Точно так же носовая согласная сохранилась и в упомянутых аланских заимствованиях — удм. *andan* ‘сталь’ и *gondir* ‘медведь’. Это позволяет сделать заключение, что пермско-аланские языковые контакты продолжались, как минимум, вплоть до ранне-булгарского времени, т. е. до последних веков I тыс. н.э. От себя добавлю, что, по крайней мере, в одном случае мы имеем дело с болгарским лексическим заимствованием в пермских языках, где болгарская лексема усвоена пермянами (удмуртами) в двух вариантах — с деназализацией и без оной. Речь идёт об уже упоминавшемся удм. *tingil'i* ‘колесо; ось’. Дело в том, что наряду с этим назализованным вариантом имеется и деназализованный: удм. *tigil'i* ‘круглый; колесо’, *tigil'anj* ‘катиться, скатиться, откатиться (о колесе, бревне, бочке)’, *tigil'an* ‘колесо’ и т. п. Это позволяет обоснованно предположить, что именно в волжско-булгарскую эпоху (IX–XIII вв.) и произошел фонетический процесс постепенного «угасания» пермской деназализации (см. также Rédei 1986: 31–32).

1.4. Удм. диал. *boržemen/voržemen*, коми *veržemɛn* ‘верхом (на лошади)’; удм. диал. *boržemanj* ‘седлать, оседлать (лошадь)’, *boržemci* ‘всадник’; кп. *veržem* ‘верховой (о коне)’, кз., кп. *veržema* ‘всадник, наездник, седок’.

В. И. Алатырев удм. *boržemen* (фонетический вариант *voržemen*, а также коми соответствия он не рассматривал вообще) считал иранским заимствованием. Он констатировал существование в древнеудмуртском языке глагола **boržinj* ‘ездить верхом’, образованного от иранского глагола *bar-* с таким же значением, к которому был присоединён удмуртский глагольный суффикс *-ž-*. От сформированной таким образом глагольной основы были образованы *boržem* ‘верховая езда; верховой; всадник’ и её вариант в творительном падеже *boržemen* ‘верхом’ (Алатырев 1988: 189). Такая цепочка рассуждений выглядит вполне логичной и аргументированной. Мне остаётся только добавить, что вероятным кандидатом на роль источника заимствования может быть аланский язык, в котором, по-видимому, существовал глагол **bar-* < ир. **bār-* ‘ездить верхом’ (в современном осетинском языке не сохранился); ср. осет. *baræg* ‘всадник’ (ИЭСОЯ I: 236–237).

Что касается удмуртского варианта *voržemen* и коми соответствий с начальным *v-*, я могу здесь заметить, что в удмуртском языке иногда возникает чередование анлаутных *b-/v-*: см. напр. удм. лит. *boržanj* и удм. сев. *voržanj* ‘плести, сплести (напр. корзину, лапти и др.)’ (Борисов 1991: 60) удм. лит. *bal'as* ‘балясина (перил); перила’, диал. *val'as* ‘балясина’ < рус. (УРС 1983: 39, 71) и т.п. Именно такой вариант с анлаутным *v-* укоренился в части удмуртских диалектов и в коми языках.

Нельзя не заметить, что в излагаемой этимологии есть одна серьёзная проблема. Дело в том, что удм. *o* в первом слоге соответствуют осет. *a* (< ир. **ā*). Само по себе такое соответствие выглядит не так уж плохо, подобные примеры см. ниже, напр. разделы 1.13, 1.17. Однако, как мы видим, упомянутому удмуртскому гласному в коми соответствует *e*. Практически во всех существующих реконструкциях в коми-удмуртской фонетической параллели *e* ~ *o* коми вариант считается более древним, а удмуртский — инновационным.

Нужно сказать, что речь в данной статье идёт, главным образом, о заимствованиях попавших к пермянам уже в позднепрапермское время, когда общепермское единство существовало в виде довольно обширного в территориальном плане диалектного континуума. В этих условиях не имевшие непосредственного контакта со степным ираноязычным населением группы пермян заимствовали иранскую лексику не от самих алан, а от своих более южных и более территориально приближённых к аланам сородичей. Таким образом, эти заимствования проходили через цепочку диалектов, а не попадали разом в единый монолитный язык. Вследствие этого, надо иметь в виду, что не все фонетические законы, работающие для исконной финно-угорской лексики работали так же в данной ситуации.

Можно предположить, что данная иранская лексема первоначально попала к южным пермянам, говорившим на «доудмуртских» диалектах, где праперм. **e* уже перешло в *o*, а затем из «досеверноудмуртских» диалектов проникла в «докоми», где старая праперм. **e* сохранилась. О том, что данная лексема попала в коми языки через посредство предков северных удмуртов, может свидетельствовать коми начальная *v*- (как и в североудмуртском наречии, см. выше) на месте общеудмуртского *b*-. В таких условиях, в «докоми» диалектах гласная *e* могла возникнуть «по пересчёту», т. к. предки коми знали о соответствии звуку *e* в их языке звуку *o* в соответствующих словах языка их южных соседей.

В качестве примера подобного «пересчёта» можно привести заимствование персидского слова *jan* ‘душа’ в татарский и башкирский языки. В татарский язык это слово было заимствовано в виде *жан* (жан в существующей орфографии), а от татар оно проникло к родственным им башкирам. Зная о том, что татарскому *ж*- в башкирском практически всегда неизменно соответствует *j*- (примеров тому огромное количество, достаточно взглянуть в татарские и башкирские словари) башкиры автоматически «пересчитали» данное слово, и так в башкирском появилось слово *jän* ‘душа’.

Известны подобные примеры «пересчёта» и в пермских языках. Коми литературные языки уже в XX веке заимствовали из удмуртского слово *kilbur* ‘стихотворение, стихи’. В соответствии со своими нормами, согласно которых исконная *l* в конце слова или слога превращается в *v*, они преобразовали удм. *kilbur* в коми *kjovbur*.

Русское слово *совсем*, заимствованное коми-зырянским языком в виде *sevssem*, тремя южными зырянскими диалектами, где нет вышеупомянутого перехода *l* > *v* в конце слога или слова, было усвоено в гиперкорректной форме *selsem* (ССКЗД: 344), что стало результатом такого же «пересчёта».

В. И. Лыткин связывал происхождение удм. *voržemen* и коми *veržemen* (удмуртский вариант *boržemen* он не учитывал) с кз. *verkes* ‘поверхность, поверхностный; верхний’ (КЭСК: 52–53). На мой взгляд такая этимология выглядит значительно слабее фонетически и семантически.

Сравнительно недавно С. А. Максимов, отвергнув этимологии В. И. Лыткина и В. И. Алатырева, предложил связать удмуртские и коми лексемы с уже упоминавшимся удм. глаголом *boržani* ~ *voržani* ‘плести, сплести (корзину, лапти); запереть (на замок, запор)’. Он предположил, что в прошлом данная лексема в пермских языках могла также

иметь значение ‘обуздать, зауздать, надеть узду’ (Максимов 2018: 49), от которого, по его мнению, и образовались вышеупомянутые удмуртские и коми слова.

Я оцениваю эту этимологию как очень сомнительную. Во-первых, понятия ‘обуздать’ и ‘плести; запырять’, мягко говоря, не слишком близки по семантике. Во-вторых, значение ‘обуздать’ у удм. *boržani* ~ *voržani* не фиксируется никакими источниками и остаётся чисто умозрительным. Во-третьих, удмуртские и коми слова повсеместно имеют значения, связанные со понятиями ‘верхом, верховая езда, верховой, всадник; седлать’, но никак не с ‘обузданный, взнузданный; обуздать, надеть уздечку’, для последних используются совершенно иные слова. В-четвёртых, фонетически гипотеза С. А. Максимова также выглядит небезупречно: в случае, если бы удмуртское слово ‘верхом’ было образовано от *boržani* ~ *voržani*, то оно звучало бы как *boržamen* ~ *voržamen* (такой вариант нигде не фиксируется), а не *boržemen* ~ *voržemen* (как оно произносится в соответствующих диалектах), Точно также, например, удм. *boržemci* ‘всадник’ звучало бы как *boržamci*, чего нет в реальности.

1.5. Удм. *ćirtkem*; диал. *ćirkkem*, *ćirkem* (Wichmann 1987: 286–287) ‘здоровый, бойкий, весёлый, жизнерадостный’, сюда же, видимо, можно отнести *ćirmit* (< **ćirtmit* ?) ‘живой, подвижный, бойкий’. Окончания *-kem* и *-mit* — суффиксы, корневой основой здесь является *ćir(t)* < ? алан.: ср. осет. *cyrd/curd* ‘проворный, быстрый, живой; активный’ (ИЭСОЯ I: 324; ОРС: 519).

1.6. Удм. *gubir*, *gubires* ‘горбатый, сутулый’, *kupires* ‘согнутый; горбатый’, *kupir-kupir* изобразительное слово, характеризующее съжившееся (согнувшееся, сморщившееся) состояние предмета или человека, *kupirtini* ‘согнуть, наклонить’. Удмуртские слова сравнивают с кз. *kopira* ‘наклонившийся, наклонённый’, *kopirtni* ‘наклонить, склонить, нагнуть’ (КЭСК: 133), ср. также кп. *kopira* ‘сторбившийся, сутулый’, *kopirtni* ‘наклонить, склонить’.

Весьма заманчиво сравнить с осет. *gʷybyr/gubur* ‘согнувшийся, сторбленный’, *kʷybyr/kʷubur* ‘бугор, холмик; выпуклый’, *kʷypp/kʷurr* ‘выпуклость; холм; горка; горб’. В. И. Абаев относил осетинские слова к звукоизобразительным (ИЭСОЯ I: 528, 646, 651). Действительно, как мне кажется, звукоизобразительное происхождение вышеперечисленных слов весьма вероятно. Однако, обращает на себя внимание бросающаяся в глаза фонетическая и семантическая близость пермских слов к осетинскими. Посему я счёл возможным указать здесь на возможное заимствование.

1.7. Кз. *gorzini* ‘кричать; реветь, стонать’, лет., кп. *gorzini* ‘плакать, реветь’; вс. *gôrziñi*, кя. *gu·rziñâ* ‘плакать’ (КЭСК: 78). Удмуртской параллели нет. Выглядит весьма вероятным, что данная лексема связана с пермским *gur/gor*, которое также является иранским заимствованием (см. ниже, раздел. 1.8.).

Можно обоснованно предположить, что коми лексема является заимствованием из аланского языка, ср. осет. *qærzyn/γærzun* ‘стонать, охать’ < ир. **garž-* ‘жаловаться, ныть, плакать, сетовать; порицать, укорять’ (ЭСИЯ III: 203 pass.), у В. И. Абаева немного другой вариант реконструкции — **garz-* ‘жаловаться, стонать’ (ИЭСОЯ II: 296–297); ср. авест. *garəz-* ‘плакать, жаловаться’, *garəz-* ‘жаловаться, сетовать, горевать’, *garz-* ‘выражать недовольство, жаловаться’, перс. *garziš* ‘жалоба; вопль о справедливости’ и др. (ЭСИЯ III: 176, 203; ИЭСОЯ: 296).

Осетинской гласной *-æ-* в коми слове соответствует *-o-*, что не очень типично, но всё же не является невозможным, ср. уже упоминавшееся коми *zon* ‘парень, мальчик, сын’ ~ осет. *zæpæg* ‘дети’.

Как полагал В. И. Абаев, в аланском языке в анлауте данных лексем наличествовала характерная для восточноиранских языков фрикативная γ -, сохранившаяся в дигорском диалекте осетинского языка. В иронском же диалекте эта фрикативная фонема системно перешла в вулярную смычную q -, что В. И. Абаев считал поздним фонетическим сдвигом (Абаев 1995: 335). Аланская начальная γ - была усвоена пермянами как g - (см. также ниже, раздел 1.8).

1.8. Удм. *gur* 'мотив, мелодия, напев': *gur berđinj* 'плакать навзрыд' (*berđinj* 'плакать'); *gur karinj* 'шуметь, галдеть' (*karinj* 'делать, творить'); *guretinj* 'шуметь, галдеть; жужжать, гудеть'; *gurlanj* 'гудеть; ворковать; веселиться; петь; весело гулять' *gur šerekjanj* 'громко (дружно) смеяться' (*šerekjanj* 'смеяться, засмеяться') и т. п. Отмечу, что в некоторых случаях данная лексема в удмуртском языке употребляется и в очевидно более старой огласовке, с $-o-$, вместо $-u-$: *gor šerekjanj* 'громко смеяться, хохотать', *gor-gor šerekjan* 'гомерический смех (хохот), заразительный смех'; *gorinj* 'хохотать, громко (безудержно) смеяться', диал. *gorjanj* 'кукарекать' и т. п. (УРС 1983: 111, 112) ~ кз., кп. *gor* 'звук', вс. *gor* 'звук, тон; звонкость, звучность'; др.-перм., кя. *gora* 'голос'; кз. *goraonj* 'звучать, гулко раздаваться', кя. *goralnâ* 'кричать'; кп. *goraonj* 'звучать, звенеть; петь, щебетать (о птицах)' и т. п. Коми и удмуртская лексемы восходят к праперм. **gor* (КЭСК: 78).

Ср. ир. **gar-* 'звучать, подавать голос; кричать, шуметь; реветь, плакать; грохотать; звать, взывать' < ар. **gar-* с многочисленными соответствиями в арийских языках; в их числе осет. *qaryn/γarun* 'взывать, вопить; настойчиво предлагать' (в определённых сочетаниях), см. также *qaræg/γarængæ* 'обрядовое причитание над покойником' (ЭСИЯ III: 168-170 pass.; ИЭСОЯ II: 265, 268). Отмечу, что в родственном вышеупомянутом словам осет. *qær/γær* 'крик, шум' мы наблюдаем фонетически более «правильное» γ на месте ир. **a*, т. е. в осетинском имеет место чередование a/γ в этом корне.

Можно предположить, что пермские *gur/gor*, скорее всего, являются иранским заимствованием аланского пласта, в котором осетинскому гласному a/γ соответствует пермское o , как и в некоторых других аланских заимствованиях (см. выше, раздел 1.7 и ниже, разделы 1.13, 1.17).

1.9. Удм. *ku* 'когда?'. В КЭСК: 126, 127 удмуртское слово сравнивается с коми элементом *ko-* в *kodj* 'когда' (где *dj* 'время') (см. также UEW: 191). На мой взгляд, коми компонент может быть и не связан с удмуртской лексемой. Коми *kodj*, кп. ещё и *kedj*, а также их стянутые варианты *kor/ker* вполне могут происходить от *kod dj/ked dj* букв. 'какое время; которое время' (где *kod/ked* 'какой, который').

Интересно сравнить удмуртское слово с осет. *koу/ku* 'когда; если, если бы' < ир. **ku-* (ИЭСОЯ I: 604-605). Во всяком случае, каких-то фонетических или семантических препятствий такое сравнение не встречает, а посему удмуртская лексема вполне может быть аланским заимствованием.

Здесь следует особо отметить, что в финно-угорских языках вопросительные слова со значением 'когда?' обычно бывают оформлены как двусоставные или как снабжённые определённым суффиксом корневые основы, означающие нечто вроде 'в какое время?': ср. напр. коми *kodj* ~ *kedj* (см. выше в данном разделе), венг. *mikor* букв. 'во время чего?', фин. *milloin* 'на чём, с чем?' и др. Если даже в данных языках и встречаются вопросительные слова, начинающиеся на $kV-$ (типа мар. *kunat* 'когда?'), то это $kV-$ есть основа общего вопросительного местоимения, от которого образуются практически все вопросительные слова локального и временного значения, с присоединённым к ней суффиксом.

Совершенно иную картину мы видим в удмуртском языке, здесь вопросительное местоимение *ku* ‘когда?’ представляет собой чистую корневую основу без каких-либо следов суффиксации. Данный факт резко отличает удмуртский язык даже от близкородственных коми языков. Я согласен с тем, что заимствование подобных вопросительных слов — явление очень редкое и возможное разве что в случае развитого двуязычия. Однако, как мне представляется, предполагать такое пермско-аланское двуязычие, существовавшее в прошлом у предков удмуртов всё же можно, учитывая следы довольно тесного былого языкового и культурного взаимодействия между аланами и предками современных пермян (см. напр. раздел 1.2 и сноску 3 в нём; раздел 1.10; Белых 2023).

1.10. Удм. *kurij̆ni* ‘просить; попросить’, *kuranj̆ni* ‘сватать, сосватать; просить, попрошайничать’, *kurask̆ij̆ni* ‘нищенствовать, попрошайничать’; коми *kornj̆* ‘звать, приглашать: просить; требовать; попрошайничать’, *koraš̆nj̆* ‘сватать, свататься’ < праперм. **kor-* < праФУ **kerä-* ‘bitten’ (КЭСК: 133; UEW: 149).

По моему мнению, пермские лексемы вполне можно связать с осет. *kūryn/korun* ‘просить; свататься, просить в жёны’ (ИЭСОЯ I: 602-603; ОРС: 266). В. И. Абаев пытался связывать последнее с осет. *agūryn* ‘искать’ и *gūryn/igurun* ‘возникать; рождаться’, возводя их к общему корню **kur-*, который медиально должен был означать ‘возникать, появляться’ или ‘стремиться к появлению чего-либо с помощью испрашивания или поисков’ (ИЭСОЯ I: 602). Я полагаю, что эта этимология выглядит слишком ненадёжно и натянуто. Неслучайно поэтому, что Дж. Чёнг справедливо отверг предложенную В. И. Абаевым этимологию осет. *kūryn/korun* и посчитал, что его происхождение «...требует дальнейшего разъяснения» (Чёнг 2008: 278).

На мой взгляд, гораздо более простой и убедительной выглядит версия о заимствовании пермского слова в аланский язык, которую я хотел бы здесь предложить. Можно обоснованно предположить, что это заимствование отражает бывшие пермско-аланские брачные связи, которые, кстати говоря, вполне могли быть одним из источников уже упоминавшегося вероятного пермско-аланского двуязычия (билингвизма) (см. выше, разделы 1.2, 1.9). Таким образом, в данном случае мы, скорее всего, имеем сравнительно редкий пример обратного направления заимствования, из финно-угорского (пермского) в иранский (осетинский) язык.

1.11. Удм. *mej̆j̆*, диал. *mej̆* ‘старый, пожилой; старик, старуха’ < ? алан.: ср. осет. ирон. *toj̆*, при диг. *toj̆næ* ‘муж, супруг’ < ир. **man-* ‘человек, мужчина; муж’ (ИЭСОЯ II: 127-128). В коми параллелей удмуртской лексеме не выявлено.

В удмуртском языке понятия «старый, старик» и «муж, супруг» связаны. Ср. удм. *kart* ‘муж, супруг’ < тат. *qart* ‘старый, старик’, удм. диал. *starik* ‘муж’ < рус. Кроме того, по данным Ю. Вихманна, в некоторых удмуртских диалектах в конце XIX века слово *mej̆j̆* могло также означать ‘взрослый, совершеннолетний’, а образованный от него глагол *mej̆j̆im̆j̆ni* означал не только ‘постареть, состариться’, но и ‘достичь зрелого возраста, возраста мужчины; стать мужественным’ (‘das Mannesalter erreichen; mannbar werden’, Wichmann 1987: 159). С учётом этого связь удмуртской лексемы с понятиями ‘муж, супруг’ становится ещё более вероятной.

В силу того, что в коми языках удмуртскому слову параллелей не обнаруживается, реконструировать прапермский вокализм слова затруднительно. Осетинскому гласному *-o-* в удмуртском соответствует *-e-*. Можно предположить, что предками удмуртов данное слово было усвоено в виде **mōj̆*, со сдвигом гласной в средний ряд *o > ô*, которая впоследствии закономерно делабиализовалась и превратилась в *e*.

Если моё предположение о заимствовании данной лексемы из аланского в пермский (удмуртский) язык верно, то обращает на себя внимание бóльшая, в сравнении с дигорским, близость иронского варианта лексемы к удмуртской. Не означает ли это, что пермяне (предки удмуртов) в какой-то исторический период контактировали с носителями иранского языка или диалекта, особо близкого именно иронскому диалекту осетинского языка?

Один из рецензентов данной статьи замечает, что фонетика дигорского диалекта архаичнее иронской и точнее отражает праосетинское (аланское) состояние. Посему, с его точки зрения, отсутствие в удмуртском слове *-n* не позволяет связывать удмуртскую и осетинскую лексемы.

На это я могу возразить следующее. Во-первых, речь здесь идёт не о заимствовании из осетинского языка и даже, возможно, не из прямого предка осетинского, а из древних аланских (или близких к ним) диалектов/языков, распространённых в I тыс. н.э. в Предуралье, часть из которых могла и не оставить прямых языковых потомков.

Всё, что известно об этих диалектах/языках, это то, что нам могут рассказать аланизмы пермских языков — а они, например, указывают на «иронскую» палатализацию и аффрикатизацию в удм. *badžim* ‘большой, крупный’ (см. выше, раздел 1.1). Это может означать, что в древних предуральских аланских диалектах некоторые характерные для иронского диалекта фонетические тенденции реализовались раньше, чем собственно в иронском. Ср. также, например, удм. *sijanĭ* ‘остывать, остыть’, которая фонетически ближе к иронскому *sijyn ~ syjyn*, нежели к дигорскому *sijun* ‘мёрзнуть, замерзнуть’ (см. раздел 1.15), или удм. *čirtkem* ‘здоровый, бойкий, подвижный’, которое фонетически ближе к иронскому *cyrd*, чем к диг. *curd* ‘подвижный, живой’ (см. раздел 1.5). О возможных контактах пермян с предками иронцев может свидетельствовать и вероятное пермское заимствование в иронском — *sæg* ‘сажа’ (см. раздел 1.16).

Добавлю также, что среднеиранские (аланские) заимствования в пермских языках, имеющие, условно говоря, скорее «иронский» нежели «дигорский» фонетический облик, хорошо известны: ср. напр. коми *verk* при ирон. *wyrg* и диг. *urg* ‘почка (анат.)’ (Rédei 1986: 79; ИЭСОЯ IV: 123; Чёнг 2008: 345); удм. *virt*, коми *vert* при ирон. *wyrd* и диг. *urda* ‘ремизы в ткацком станке’ (Rédei 1986: 80; ИЭСОЯ IV: 120).

Во-вторых, мы не можем сказать ничего определённого о времени попадания слова *meji* ‘старый, старик’ в язык предков удмуртов. Если предположить, что оно было усвоено в начале I тыс., когда в пермском праязыке ещё действовала редукция второго слога, то тогда вполне можно допустить, что упомянутая *-n* просто отпала.

И, в-третьих, я прекрасно сознаю, что предложенная здесь этимология не выглядит абсолютно безупречной; она несомненно дискуссионна, как дискуссионно, по сути дела, всё содержание настоящей статьи — однако я всё же полагаю выдвигаемую версию возможной и достойной обсуждения.

1.12. Удм. *mudor*, диал. *mĭdor*. Ю. Вихманн со ссылкой на Ф. Видеманна сравнивал удмуртское слово с кз. *mudör* ‘Boden, Hausboden’ (Wichmann 1987: 164), которое, однако, никакими другими коми словарями или прочими источниками не засвидетельствовано, что вызывает некоторые сомнения в реальности существования такого слова в коми языках.

А. Айкио сравнивает названные пермские лексемы с саам. *máttar* ‘ancestor; base, lower and wider part of something’ и считает возможным возводить их к общей праформе **mentVr*, где окончание **(V)r* он рассматривает как деривационный суффикс (Aikio 2023).

Можно, однако, предложить и альтернативную этимологию. Прежде всего отмечу, что данная удмуртская лексема имеет довольно сложную и запутанную семантику, ко-

торуя не просто свести к какому-то единому прообразу. Вот какие, для примера, даются ей определения в разных источниках:

- 1) 'икона, образ; алтарь *воршуда* (в моленном шалаше)' (УРС 1983: 286). *Воршуд* — семейно-родовое божество, хранитель рода в дохристианских верованиях удмуртов;
- 2) 'икона, образ; алтарь *воршуда*; священная полка, священный камень, священный столбик (в моленном шалаше, *куале*); хозяин локальной территории, один из родоплеменных богов удмуртов; сакральный центр родовой территории; священное дерево в лесу' (УРС 2008: 440). *Куала* — так называемый моленный шалаш, дохристианское культовое бревенчатое строение удмуртов, в котором или рядом с которым проходили моления и жертвоприношения;
- 3) 'образ, икона; священный лубяной ящик в молитвенном шалаше вотяков' (Борисов 1991: 185, 189);
- 4) 'мифическое существо, которому приносили жертву в летнем доме; священный угол в жертвенном строении' — 'ein mythisches Wesen, dem in der Sommerhütte geopfert wird; die heilige Ecke in der Opferhütte' (Wichmann 1987: 164).

Итак, если абстрагироваться от явно позднего, усвоенного уже после принятия удмуртами христианства 'икона, образ', первоначальное значение удм. *tudor*/*mīdor* могло сводиться к пониманию некой святыни, сакрального центра, вероятно связанного с семейно-родовым, домашним божеством.

Имеются достаточные основания считать удмуртскую лексему аланским заимствованием, ср. осет. диг. *bundor* 'основной камень, опора, фундамент; домовый', ирон. *byndūr* 'фундамент' < *byn/bun* 'низ, основание, дно; наследство' (< ир. **būna-/būna-* 'основа, основание') + *dūr/dor* 'камень' (ИЭСОЯ I: 270–271, 278–279, 376; ЭСИЯ II: 186–189). *Bundor* имел у осетин сакральное значение, ему, как хранителю дома, посвящали моления и жертвоприношения (Миллер 1992 : 453, 474).

Начальное смычное *b-* могло перейти в удмуртском языке в сонорное *m-* под влиянием народной этимологии: *tudor* < удм. *tu* 'земля' + *dor* 'край, сторона; родина; родной дом', а сочетание согласных *-nd-* закономерно подверглось пермской деназализации и превратилось в *-d-*: *bundor/byndūr* > *tudor*. Снова мы имеем дело с относительно ранним аланским заимствованием, подвергшимся пермской деназализации.

Мне остаётся только добавить, что такая этимология удм. *tudor* уже была предложена и довольно развёрнуто сформулирована В. В. Напольских, её он неоднократно озвучивал в своих лекциях, а в данный момент готовит на эту тему отдельную статью.

1.13. Удм. сев. *noreg* 'нежный' (Борисов 1991: 196) < алан.: ср. осет. *naræg* 'тонкий, узкий, тесный' < ир. **nār(a)-* 'тонкий, нежный; узкий, тесный'; с характерным алано-осетинским суффиксом *-æg*, который в удмуртском языке систематически превратился в *-eg* (ИЭСОЯ II: 156; ЭСИЯ V: 543–544; Белых 2023: 289–291). Осетинскому *a* первого слога соответствует удм. *o*. Такое же соответствие находим в других случаях аланских заимствований в пермские языки (см. выше и ниже, разделы 1.4, 1.8, 1.17).

1.14. Удм. *seren* 'из-за; в силу, вследствие (последлог)'. Корнем слова здесь является *ser-*, *-en* — это суффикс творительного падежа; также в творительном падеже ставятся слова, с которыми согласуется последлог: *tonen seren* 'из-за тебя', где *ton* 'ты'. Удм. *seren* < алан.: ср. осет. *særyl/særbæl* 'за, ради (последлог)'. Окончания *-yl/-bæl* суть суффиксы местного внешнего падежа соответственно в иронском и дигорском диалектах. Корнем же слова здесь является *sær-*, имеющее значения 'голова; верх, верхняя часть; начало; причина' < ир. **sarah-* 'голова' (ИЭСОЯ III: 73–76, 89).

Осетинскому *-æ-* (*sær-*) в удмуртском слове соответствует *-e-* (*ser-*). Такое же соответствие мы находим, например, в удм. *beriz*, кп. уст. *beris* ‘липа’ (КЭСК: 39) и осет. *bærz/bærzæ* ‘берёза’ (Rédei 1986: 66). Кроме того, удм. *-e-* первого слога мог сформироваться под ассимилирующим влиянием последующего суффикса *-en*.

1.15. Удм. *sijani* ‘остыть, остывать; холодать, похолодать’. В коми языках соответствий не имеется. В. И. Абаев осторожно допускал происхождение удмуртского слова от аланского источника, ср. осет. ирон. *sijyn* ‘мёрзнуть, замерзать; зябнуть’ < ир. **sī-*, **sya-*, с надёжными соответствиями в припамирских и древнеиндийском языках (ИЭСОЯ III: 191). По моему мнению, такая этимология выглядит вполне приемлемой, а с учётом того, что до сих пор никаких внятных альтернатив ей предложено не было, то и единственной приемлемой на сегодняшний день.

1.16. Удм. *su*, коми *sa* ‘сажа’ < праперм. **sā*. Общепермскую лексему сравнивают с мар. *šüč* ‘копоть, сажа’, эрз., мокш. *sod* ‘сажа’ и возводят к праФП **sätz* ‘Ruß’ (КЭСК: 248; UEW: 769). В то же время, А. Йоки мордовское слово вкупе с эст. *sodi* ‘Kot’, а также пермские и марийские слова, считал вероятным старым заимствованием из индоевропейских языков балто-славянского круга (ср. литов. *sodis* ‘Rost’, рус. *сажа* < **sōdjā*), приводя также германские параллели (Joki 1973: 145).

Интересно пермские слова сравнить с осет. ирон. *sæg* ‘сажа’. Судя по всему, осетинское слово вроде бы не имеет надёжных параллелей в других иранских языках, и даже в дигорском диалекте ему соответствует *sk'oræ* ‘сажа’, связь которого с ирон. *sæg*, как минимум, неочевидна (ИЭСОЯ III: 125). В. И. Абаев осторожно допускал возможную связь осетинского слова с др.-инд. *śaka-* (в сложениях) ‘кал, помёт’ (ИЭСОЯ III: 57).

Такая ситуация позволяет мне предположить, что в случае с иронским названием сажи мы, возможно, вновь имеем дело с пермским заимствованием в древнеосетинский язык: праперм. **sā* + *æg* (осетинский именной суффикс) > осет. *sæg*.

1.17. Удм. *vog* ‘упрямый, капризный, своенравный’, *vogani*, *vogžini*, диал. *vogdini* ‘упрямиться, капризничать’. Нет ли связи с осет. *wag* ‘порядок; нрав, пристойность, поведение’? От этого корня в осетинском языке образованы такие дериваты как *xorzweg* ‘добронравный’, *fydwag* ‘злонравный’, *waggyn* ‘соблюдающий нормы поведения’, *ænwæg* ‘недобающий, недостойный, непристойный’ и др. В. И. Абаев сближал осет. *wag* с хорезм. **wāk* ‘нрав’ и предлагал различные варианты происхождения осетинского слова (ИЭСОЯ IV: 40–41). Я бы предположил, что первоначально данная лексема была усвоена предками удмуртов со значением вроде ‘норовистый, с характером’.

1.18. Удм. *žog* ‘быстро, скоро; быстрый, скорый’; кз. *regid* ‘скоро, быстро; вскоре’ (где *-id* — именной суффикс) < праперм. **reg*. В КЭСК: 240 пермские слова сопоставляются с венг. *rögvest*, *rögtön* ‘тотчас’; ? фин. *rikevä* ‘быстро, скоро’. В. В. Напольских, ссылаясь на Б. Мункачи, считает, что пермские и венгерские слова были, по всей видимости, параллельно заимствованы из иранского источника (Напольских 2015: 517–518), сравнивая их с осет. *ræxgy* ‘скоро, вскоре’ (ср. авест. *raγu-* ‘быстрый’ (ИЭСОЯ II: 388, 393)), *rag* ‘ранний, рано; давно’ < ир. **fraka-* ‘впереди; завтра; рано; утром’ (ИЭСОЯ II: 340–341).

Думаю, что пермские лексемы правильнее было бы сопоставить с осет. *ræwæg*, которое имеет одним из значений ‘проворный, быстрый’ < ир. **ragu-* ‘лёгкий в движении, подвижный, быстрый’ (ИЭСОЯ II: 387–388; ЭСИЯ VI: 375). В другом аланском заимствовании в пермских языках, др.-перм. *ideg* ‘ангел’ < алан., ср. осет. *dawæg/idawæg* ‘божество’

(Rédei 1986: 70) мы видим, что осетинскому сочетанию *-awæ-* соответствует древнекоми *-e-*, образовавшееся в результате стяжения. В свете сказанного выглядит вполне логичным, что похожему осетинскому сочетанию *-æwæ-* (в *ræwæg*) в коми соответствует *-e-* (*regid*). В удмуртском языке анлаутная **r-* закономерно перешла в аффрикату *ʒ-*, а на месте коми *-e-* возникла *-o-*, что является довольно распространённым коми-удмуртским фонетическим соответствием, в котором коми гласная считается более архаичной, а удмуртская — инновационной.

1.19. Удм. *žecíraní* ‘качаться (напр. на качелях)’, *žecíran*, *žecíret* ‘качели, качалка’. В UEW: 421–422 понудительная форма вышеупомянутого удмуртского глагола — *žecíratíni* ‘качать, покачивать (напр. на качелях, в люльке)’ под вопросом сопоставляется с возможными марийскими и обско-угорскими параллелями и возводится к возможному праФУ **reńc- ~ rećz-* ‘schütteln, schaukeln, beben’.

В то же время, очень заманчиво сравнить удмуртские слова с осет. ирон. *zezyro* ‘маятник’, *zezyroj* ‘качание’, *zezyroj kænyu* ‘качаться’ (букв. ‘качание делать’) (ОРС: 224). Если в данном случае мы имеем дело с заимствованием из одного языка в другой, то неясно направление этого заимствования, т. к. неясно происхождение осетинского слова, да и прафинно-угорское происхождение слова удмуртского вызывает сомнения. Во всяком случае составители «Уральского этимологического словаря» допускали прафинно-угорское происхождение удмуртского слова только в том случае, если анлаутная удм. *ž-* восходит к более древнему **r-*, в чём, судя по всему, у них уверенности не было (UEW: 422). Тем не менее, фонетическая и семантическая близость удмуртского и осетинского слов позволяют мне обратить внимание на эту возможную параллель.

Трудно сказать, имеет ли какое-то отношение к удмуртским и осетинским словам чув. *чучу/чуччу/чуччи* ‘качели, зыбка’. М. Р. Федотов сравнивал чувашскую лексему с аз. *учунмаг* ‘качаться на качелях’ (Федотов 1996: 426), что фонетически выглядит сомнительно.

2. Кальки

К сегодняшнему дню остаётся почти совершенно неизученной такая сторона пермско-аланского языкового взаимодействия в области лексики и фразеологии как калькирование. Одиноким примером такого рода исследования является обнаруженная В. В. Напольских (см. Белых, Напольских 1994: 283) следующая любопытная удмуртско-осетинская параллель. Дело в том, что в языках Волго-Уральского региона порядковое числительное ‘первый’ образуется от основ ‘ранний; передний; начальный’ — морд. *vašeń(ce)*, коми *medvodža*, чув. *maltanxi*; от основы ‘один’ — мар. *ikymše*, тат. *běřěncě*, чув. *pěrreměš*; от основы ‘голова’ — чув. *puślamaš*, тат. *baštaуу* и т.п.

И только в удмуртском языке мы встречаем совершенно уникальную для Волго-Уралья форму — *niríš(eti)* ‘первый’ < *nir* ‘нос’. Единственным аналогом удмуртскому слову является его осетинское соответствие — *fuccag/ficcag* ‘первый’ < *fynz /finzæ* ‘нос’, причём слово это довольно позднего происхождения, оно вытеснило старое **radam* < ир. **fratama* ‘первый’ (Абаев 1949: 165, 591; ИЭСОЯ I: 486–487).

Мне хотелось бы, в этой связи, предложить ещё один пример подобного рода. В удмуртском языке существуют следующие идиоматические выражения: *tutí žem* ‘как мать, подобно матери, в мать’, означающее буквально ‘вкус матери’ (удм. *žem* ‘вкус’); *bubí žem* ‘как отец, подобный отцу, в отца’, букв. ‘вкус отца’.

Они находят себе практически точную аналогию в осет. *mady ad* ‘как мать, подобно матери’, букв. ‘вкус матери’ (осет. *ad* ‘вкус’). Например: *mady ad zy fedton* ‘она была для меня как мать’, букв. ‘матери вкус от неё (я) увидела’ (ОРС: 18).

Подытожим всё вышесказанное. Пермские, по всей видимости, весьма тесно взаимодействовали с носителями (прото)аланского языка довольно длительное время, растянувшееся на многие века. В аланских заимствованиях пермских языков можно выделить как более ранние, прошедшие пермскую деназализацию (см. выше, напр. разделы 1.3, 1.12), так и более поздние заимствования, в коих деназализация уже не произошла (такие как удм. *andan* ‘сталь’, *gondir* ‘медведь’), проникшие, по оценке В. В. Напольских, в прапермский язык не ранее VIII в. н.э. (см. Напольских 2015: 91, 176).

Некоторый разнобой в алано-пермских фонетических соответствиях (особенно в вокализме) может быть объяснён, как мне кажется, именно этой значительной протяжённостью во времени контактов предков пермян с (прото)аланами, когда те или иные лексические единицы заимствовались в разное время, в разные исторические эпохи и, соответственно, имели разный фонетический облик и проходили разную эволюцию.

Кроме того, следует учитывать и возможное разнообразие путей проникновения аланских лексических заимствований. Как уже говорилось выше (см. раздел 1.4), в позднепрапермскую эпоху пермское единство существовало в виде довольно просторного диалектного континуума, в котором заимствования проходили через цепочку диалектов, подвергаясь тем или иным фонетическим изменениям, причем всякий раз такая цепочка могла быть разной. В некоторых случаях аланские заимствования могли попадать к собственно пермянам (*эндопермянам* по терминологии, предложенной В. В. Напольских) через посредство *парапермян*, т. е. прапермских групп, которые сравнительно рано отделились от эндопермян в языковом отношении, прошли собственную эволюцию, но не оставили прямых языковых потомков, растворившись среди родственных или неродственных по языку групп. Также нельзя отвергать возможности, что пермяне взаимодействовали не только с прямыми языковыми предками современных осетин, но и с какими-то близкими им по языку группами иранцев (алан и неалан), языки/диалекты которых развивались не обязательно так же как язык предков осетин.

Таким образом, приведенный материал, как мне представляется, показывает, что тема пермско-аланских, а также шире — пермско-иранских лексических взаимосвязей остаётся вполне актуальной для дальнейшего изучения.

Список сокращений

авест. — авестийский язык; аз. — азербайджанский язык; алан. — аланский язык; анат. — анатомическое; ар. — арийские языки; булг. — (волжско-)булгарский язык; венг. — венгерский язык; диал. — диалект, диалектное; диг. — дигорский диалект осетинского языка; др.-инд. — древнеиндийский язык; др-перм. — древнепермский (древнекоми-зырянский) язык; др.-перс. — древнеперсидский язык; др.-удм. — древнеудмуртский язык; иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка; ир. — иранский праязык; ирон. — иронский диалект осетинского языка; кз. — коми-зырянский язык; кп. — коми-пермяцкий язык; кя. — коми-язьвинский язык/диалект; лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка; лит. — литературный язык, литературное; литов. — литовский язык; мар. — марийский язык; мокш. — мокшанский, мокшамордовский язык; морд. — мордовские языки; напр. — например; осет. — осетинский язык; перс. — персидский язык; праперм. — прапермский язык, пермский праязык; праур. — прауральский язык, уральский праязык; праФП — прафинно-пермский язык, финно-пермский праязык; праФУ — прафинно-угорский язык, финно-угорский праязык; рус. — русский язык; саам. — саамский язык; сев. — северное наречие уд-

муртского языка; сельк. — селькупский язык; см. — смотрите; согд. — согдийский язык; ср. — сравните; ср.-перс. — среднеперсидский язык; сс. — среднесыольский диалект коми-зырянского языка; тат. — татарский язык; текст. — текстильное; тж. — то же; тюрк. — тюркское, тюркские языки; удм. — удмуртский язык; уст. — устаревшее; фин. — финский язык; хант. — хантыйский язык; хорезм. — хорезмийский язык; чув. — чувашский язык; эрз. — эрзянский, эрзя-мордовский язык; эст. — эстонский язык.

Литература

- Абаев, В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук.
- Абаев, В. И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство.
- Абаев, В. И. 1965. *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада*. Москва: Наука.
- Абаев, В. И. 1995. *Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание*. Владикавказ: Ир.
- Алатырев, В. И. 1988. *Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б*. Ижевск: НИИ при СМ УАССР.
- Белых, С. К. 2023. Пермско-иранские языковые контакты по данным фонетики и морфологии удмуртского и коми языков. *Вопросы языкового родства* 21(3–4): 282–299.
- Белых, С. К., Напольских, В. В. 1994. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? *Linguistica Uralica* XXX(4): 278–288.
- Борисов, Т. К. 1991. *Удмурт кыллюкам. Толковый словарь удмуртского языка*. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.
- ИЭСОЯ I = Абаев, В. И. 1958. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I*. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- ИЭСОЯ II = Абаев, В. И. 1973. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II*. Ленинград: Наука.
- ИЭСОЯ III = Абаев, В. И. 1979. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III*. Ленинград: Наука.
- ИЭСОЯ IV = Абаев, В. И. 1989. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV*. Ленинград: Наука.
- ИЭСОЯ Указ. = Абаев, В. И. 1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель*. Москва: Наука.
- КПРС 1985 = Баталова, Р. М., А. С. Кривощекова-Гантман. 1985. *Коми-пермяцко-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- КЭСК = Лыткин, В. И., Е. С. Гуляев. 1970. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: Наука.
- Лыткин, В. И. 1975. Пермско-иранские языковые контакты. *Вопросы языкознания* 3: 84–97.
- Максимов, С. А. 2018. *Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология*. Ижевск: Изд-во «Шелест».
- Миллер, В. 1992. *Осетинские этюды*. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований.
- Напольских, В. В. 2015. *Очерки по этнической истории*. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость».
- ОРС = Гуриев, Т. А. (ред.). 2004. *Осетинско-русский словарь*. Владикавказ: Алания.
- ОСУЯ = Насибуллин, Р. Ш., В. Ю. Дудоров. 1992. *Обратный словарь удмуртского языка*. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет».
- ССКЗД = Сорвачева, В. А. (ред.) 1961. *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- УРС 1983 = Вахрушев, В. М. (ред.). *Удмуртско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- УРС 2008 = Кириллова, Л. Е. (ред.). *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Федотов, М. Р. 1996. *Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2*. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук.
- Чёнг, Дж. 2008. *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Пер. с англ. Т. К. Салбиева. Владикавказ — Цхинвал: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева.
- ЭСИЯ II = Расторгуева, В. С., Д. И. Эдельман. 2003. *Этимологический словарь иранских языков. Т. II*. Москва: Восточная литература.
- ЭСИЯ III = Расторгуева, В. С., Д. И. Эдельман. 2007. *Этимологический словарь иранских языков. Т. III*. Москва: Восточная литература.
- ЭСИЯ IV = Эдельман, Д. И. 2011. *Этимологический словарь иранских языков. Т. IV*. Москва: Восточная литература.

ЭСИЯ V = Эдельман, Д. И. 2015. *Этимологический словарь иранских языков. Т. V.* Москва: Восточная литература.
 ЭСИЯ VI = Эдельман, Д. И. 2020. *Этимологический словарь иранских языков. Т. VI.* Москва: Восточная литература.

References

- Abaev, Vasilij. 1949. *Osetinskij jazyk i fol'klor.* Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Abaev, Vasilij. 1959. *Grammaticeskij ocherk osetinskogo jazyka.* Ordzhonikidze: Severo-osetinskoje knizhnoje izdatel'stvo.
- Abaev, Vasilij. 1965. *Skifo-jevropejskije izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada.* Moskva: Nauka.
- Abaev, Vasilij. 1995. *Izbrannye trudy. Tom II. Obshee I sravnitel'noe jazykoznanie.* Vladikavkaz: Ir.
- Aikio, Ante 2023. *Are there Proto-Slavic loanwords in Saami?* Available online at: siue.hcommons.org/2023/10/05/are-there-proto-slavic-loanwords-in-saami/
- Alatyrev, V. I. 1988. *Etimologičeskij slovar' udmurtskogo jazyka. Bukvy A, B.* Izhevsk: NII pri SM UASSR.
- Belykh, Sergei. 2023. Permsko-iranskije jazykovyje kontakty po dannym fonetiki I morfologii udmurtskogo i komi jazykov. *Journal of Language Relationship* 21(3–4): 282–299.
- Belykh, Sergei, Vladimir Napol'skikh. 1994. Etnonim *udmurt*: ischerpany li al'ternativy? *Linguistica Uralica* XXX(4): 278–288. Tallinn: Estonian Academy of Science.
- Borisov, Trofim. 1991. *Udmurt kyllyukam. Tolkovyj slovar' udmurtskogo jazyka.* Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN.
- Cheung, Johnny 2008. *Očerki istoričeskogo razvitija osetinskogo vokalizma.* Perevod s angl. T. K. Salbieva. Vladikavkaz — Tskhinval: Izdatel'sko-poligrafičeskoe predpriyatije im. V. Gassieva.
- Csúcs, Sandor. 1990. *Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen.* Budapest: Akademiai kiadó.
- ESIJa II = Rastorgujeva, V. S., D. I. Edelman. 2003. *Etimologičeskij slovar' iranskikh jazykov. T. I.* Moskva: Vostochnaja literatura.
- ESIJa III = Rastorgujeva, V. S., D. I. Edelman. 2007. *Etimologičeskij slovar' iranskikh jazykov. T. III.* Moskva: Vostochnaja literatura.
- ESIJa IV = Edelman, D. I. 2011. *Etimologičeskij slovar' iranskikh jazykov. T. IV.* Moskva: Vostochnaja literatura.
- ESIJa V = Edelman, D. I. 2015. *Etimologičeskij slovar' iranskikh jazykov. T. V.* Moskva: Vostochnaja literatura.
- ESIJa VI = Edelman, D. I. 2020. *Etimologičeskij slovar' iranskikh jazykov. T. VI.* Moskva: Vostochnaja literatura.
- Fedotov, M. R. 1996. *Etimologičeskij slovar' chuvashskogo jazyka. T. 2.* Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyx nauk.
- Holopainen, Sampsa. 2019. *Indo-Iranian borrowings in Uralic. Criuical overview of the sound substitution and distribution criterion. Doctoral dissertation.* Helsinki: Unigrafia.
- IESOJa I = Abajev, Vasilij. 1958. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. I.* Moskva — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- IESOJa II = Abajev, Vasilij. 1973. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. II.* Leningrad: Nauka.
- IESOJa III = Abajev, Vasilij. 1979. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. III.* Leningrad: Nauka.
- IESOJa IV = Abajev, Vasilij. 1989. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. IV.* Leningrad: Nauka.
- IESOJa Ukaz. = Abajev, Vasilij. 1995. *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Ukazatel'.* Moskva: Nauka.
- Joki, Aulis J. 1973. Uralier und Indogermanen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 151.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- KESK = Lytkin, V. I., E. S. Guliajev. 1970. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka.* Moskva: Nauka.
- KPRS = Batalova, R. M., A. S. Krivishchekova-Gantman. 1985. *Komi-permiatsko-russkij slovar'.* Moskva: Russkij jazyk.
- Lytkin, Vasilij. 1975. Permsko-iranskije jazykovyje kontakty. *Voprosy jazykoznanija* 3: 84–97. Moskva: Nauka.
- Maksimov, Sergey 2018. *Severnoudmurtsko-komi areal'nyje jazykovyje paralleli: leksika, fonetika, morfologija.* Izhevsk: Shelest.
- Miller, Vsevolod. 1992. *Osetinskije etyudy.* Vladikavkaz: Severo-Osetinskij institut gumanitarnyx issledovanij.
- Napol'skikh, Vladimir. 2015. *Očerki po etničeskoi istorii. Kazan': Izdatel'skij dom 'Kazanskaja nedvizhimost'.*
- ORS = Gurijev, T. A. (ed.). 2004. *Osetinsko-russkij slovar'.* Vladikavkaz: Alanija.
- OSUJa = Nasibullin, Rif, Viktor Dudorov. 1992. *Obratnyj slovar' udmurtskogo jazyka.* Izhevsk: Izdatel'stvo 'Udmurtskij universitet'.

- Rédei, Károly. 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klassen. Sitzungsberichte*, 468. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- SSKZD = Sorvacheva, V. A. (ed.). 1961. *Sravnitel'nyj slovar' komi-zyrianskix dialektov*. Syktyvkar: Komi knizhnoje izdatel'stvo.
- UEW = Rédei, Karoi. 1988–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I – III*. Budapest, Wiesbaden: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- URS 1983 = Vakhrushev, V. M. (ed.). *Udmursko-russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.
- URS 2008 = Kirillova, L. E. (ed.). *Udmursko-russkij slovar'*. Izhevsk: UIIJa UrO RAN.
- Wichmann, Yrjö 1987. *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Sergey Belykh. On the question of Permian-Alan language contacts: some new lexical materials

The article discusses some new materials concerning the linguistic and cultural contacts of the ancient Alans (the ancestors of the Ossetians) with the Permians (the ancestors of the modern Udmurts and Komi). The main attention is paid to the Permian-Alan interaction, reflected in the vocabulary of the Permian and Ossetian languages. The discussion introduces the results of new etymological research as well as touches upon some previously published etymologies, with important additions and comments.

Keywords: Iranian languages; Alan language; Ossetian language; Finno-Ugric languages; Permian proto-language; Udmurt language; Komi languages; vocabulary; phraseology; etymology; historical linguistics.